

Марина Грибова

ПОВЕСТЬ - ИСЦЕЛЕНИЕ

Свободна Я

Как начать жизнь с чистого листа, выбирая счастье и свободу

Марина Грибова

Свободная

«Автор»

2025

Грибова М.

Свободная / М. Грибова — «Автор», 2025

Неожиданные изменения в судьбе девятнадцатилетней Софии, рано потерявшей маму, начинаются с осознанного решения перестать страдать. Но, заглянув в свое подсознание, девушка обнаруживает там сложный лабиринт с ловушками и непредсказуемыми поворотами и понимает, что здесь, как и на любом неизведанном пути, помощь проводника окажется как нельзя кстати. Как Софии выйти из депрессии и найти способ избежать трагического семейного сценария? Как простить отца, который ушел из семьи несколько лет назад? Похоже, в странных сновидениях девушки можно найти ответы на все вопросы, а проводник поможет во всем разобраться.

© Грибова М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Первый шаг	7
Глава 2. Идеальный мир	14
Глава 3. Это все несправедливо!	18
Глава 4. Что-то поменялось...	23
Глава 5. Друг познается...	27
Глава 6. Психолог?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Грибова

Свободная

Повесть-исцеление из серии «ПРОВОДНИК»

Как начать жизнь с чистого листа, выбирая счастье и свободу

Сколько бы сложностей ни выпало на долю человека, сколько бы ни было поводов себя пожалеть, стоит принять твердое решение перестать страдать – и в жизни появляются новые люди и новые возможности.

Пролог

Траурная процессия шла по главной аллее кладбища. Четверо крепких мужчин, одетых в темную одежду, медленно несли лакированный гроб в сторону недавно вырытой могилы. От большой группы скорбящих родственников, сопровождавших усопшего, отстал мужчина лет сорока. Он замедлил шаги и остановился, скорее всего, заметив знакомую фамилию на надгробии, расположенном совсем близко от дороги. Под овальными фотографиями на черном граните были выгравированы два женских имени:

Луговая Лидия Игоревна

25.07.1952 – 12.10.1994

Луговая Мария Анатольевна

17.08.1972 – 20.12.2013

Мужчина несколько раз пробежал глазами надписи, покачал головой и быстрым шагом пошел к своим. Догнав родных, он осторожно тронул за плечо пожилую женщину и, когда она обернулась, кивнул в сторону черного могильного камня и начал что-то рассказывать, склонившись поближе к ней, чтобы не мешать другим.

Глава 1. Первый шаг

«Опять вставать», – с досадой думаю я, нажимая на кнопку пиликающего будильника и мысленно благословляя функцию отложенного сигнала. Еще пять минут... А потом еще пять... Может, с четвертой попытки удастся собрать волю в кулак и подняться с кровати? Надеюсь...

Это очередное унылое январское утро. Я нехотя сажусь, нахожу ногами пушистые тапочки, окончательно разлепляю глаза и поднимаюсь. Шаркая ногами, иду в ванную. Холодная вода поможет мне взбодриться – проверено.

Выхожу из ванной уже почти нормальным человеком, запахивая объемный домашний халат. Надо только выпить чашечку кофе, и жизнь войдет в привычное русло. Нахожу турку в раковине – опять забыла вчера помыть, наспех ополаскиваю и погружаюсь в процесс создания подобия хорошего настроения через привычный ритуал заваривания любимого напитка.

Наливаю кофе в большую кружку, бережно обнимаю пальцами обжигающую керамику, подношу к губам и замираю, когда мой взгляд падает на окно.

Где моя береза?! Куда дели?! Кому она помешала? Всю жизнь, все девятнадцать лет я жила в этой квартире на четвертом этаже и, завтракая, любовалась из окна на тонкие веточки, на белый ствол. Я природу люблю, а не вот это вот все! А теперь придется созерцать голую кирпичную стену соседнего дома да очень «увлекательную» жизнь его обитателей. Хоть бы занавески повесили, что ли, а то как сговорились...

В этот момент я понимаю, что день испорчен безвозвратно, а ведь сегодня у меня еще экзамен в универе. Я подхожу к окну, надеясь понять, что же произошло.

Что за ерунда?!

Я вижу море. Да-да! Все дома нашего квартала погружены до уровня второго этажа в морскую воду, и всюду на обозримом просторе лишь темная вода.

А, ну теперь все понятно....

А как все хорошо начиналось! Будто обычный будний день, но это опять сон – навязчивое сновидение, в котором я никогда не могу попасть в нужное мне место. Как бы ни начиналась история – а чаще всего там происходит что-то пугающее и жуткое, – все заканчивается стеной из полупрозрачного матового стекла, за которой мне мерещится спасение от мук и страданий, блаженство и спокойствие. Но стена незыблема, и я не могу преодолеть это препятствие. Видит око, да зуб неймет, или как там у классика? Это пытка какая-то! Каждый раз одно и то же. Интересно, однако, что сейчас, во сне, я осознала, что это сон... Что-то новенькое.

Ставлю кружку с кофе на стол и иду по коридору своей двухкомнатной квартиры в сторону входной двери. В холле, взявшись за дверную ручку, оборачиваюсь, чтобы убедиться в безопасности. Пока все нормально. Держа левую руку на вертушке замка, прижимаю щеку к обивке двери и, затаив дыхание, смотрю в глазок, прислушиваясь. Тихо.

Открываю дверь. Все спокойно, все как обычно. Не знаю почему, но это пугает больше, чем какое-нибудь внезапно появившееся чудище. Делаю первый шаг на лестничную клетку, следующий... Вроде все нормально. Осторожно спускаюсь на третий этаж, на второй...

И тут внезапно лестничная клетка второго этажа – вся полностью – превращается под моими ногами в бездонный бассейн с темно-синей водой. Я резко проваливаюсь в холодную обволакивающую бездну, чудом успев задержать дыхание. Вода соленая и щиплет глаза. Это просто ужасное состояние, когда ты не знаешь, где верх, а где низ, находясь в плотной, плохо освещенной субстанции. Собравшись с духом, наугад плыву куда-то, надеясь, что там верх и спасительный глоток воздуха. Но, похоже, это не так. Что-то такое происходит, что-то меняется там, вне поля моего зрения. Я лишь смутно догадываюсь об этом и чувствую спазм в области солнечного сплетения, вызванный приступом паники и страха.

Ожидать можно чего угодно! К чему готовиться? Гигантские щупальца? Косяк рыб? Кит? Я понимаю, что этот бассейн уже вовсе и не бассейн, а самое настоящее бескрайнее море. Отчаянно барахтаюсь, судорожно пытаюсь вынырнуть, боясь сделать вдох прямо под водой. В этот момент я замечаю, что надо мной проплывает гигантская тень. В глазах темнеет, силы покидают меня... Чернота...

Я прихожу в себя от звука упавшей капли воды, гулко разносящегося в пространстве и многократно отраженного от неровных стен. Наконец-то я там, где нужно. Вдруг на этот раз станет понятно, как попасть *туда*...

Я лежу на неровных, влажных камнях пола небольшой пещеры. Открываю глаза. Почти ничего не видно, лишь вдали есть намек на выход и призрачный свет. Впрочем, как всегда. Я уже знаю, что будет дальше, но настырно встаю и подхожу к неглубокому озерцу. Нашупываю босыми ногами безопасный путь, двигаясь по щиколотку в воде, и, развернув влево корпус, попеременно переставляю руки по холодным, влажным сводам пещеры. Впереди ждет поворот налево, а за ним – свет и выход. Или отсутствие выхода. Сейчас узнаем.

Делаю еще несколько шагов, короткий вдох, и сразу за поворотом моему взору открывается привычная картина: метрах в двадцати от меня выход из пещеры заслоняет мощная стена из матового стекла, пропускающая малую толику света и не дающая возможности покинуть это место. Раздраженно и шумно выдыхаю. Как же это надоело! В груди закипает ярость. Пренебрегая опасностью, рискуя поскользнуться, я срываюсь с места, бегу к проклятому стеклу и начинаю изо всех сил колотить его кулаками. Рукам нестерпимо больно, но мой гнев сильнее боли! Естественно, стеклянная стена выдерживает мой напор, что бы я ни делала, поэтому опустошение – это все, что я чувствую сейчас.

Мой гневный порыв уже прошел, и мне остается лишь в отчаянии пнуть ненавистное препятствие ногой. Что тоже, очевидно, плохая идея, но это уже неважно. Через какое-то время я сдаюсь и прислоняюсь лбом к толще матового стекла, опершись ладонями о холодную, гладкую стену и силясь разглядеть, что же там, по ту сторону.

Там, кажется, ярко светит солнце, а сразу за стеклом мне чудится небольшой водопад. Как бы то ни было, я чувствую непреодолимое желание попасть *туда*, но понимаю, что это невозможно... Отворачиваюсь, сажусь прямо в ледяную воду, облокотившись спиной о мерзкую стену, и рыдаю. Сначала беззвучно, а потом в голос, слыша, как эхо многократно усиливает крик моей неизбывной душевной боли! Кажется, что это будет длиться вечно, но внезапно все исчезает...

...Я проснулась в темноте своей комнаты. Подушка – мокрая от слез. Краешком простыни вытерла заплаканное лицо и почувствовала, как в груди клокочет тревога, ужас и отчаяние. С тех пор как не стало мамы, я никак не могу прийти в себя. Вот уже целый год меня одолевают сотни мыслей и эмоций, но всем, кто меня знает, я изо всех сил стараюсь показать, какая я сильная и храбрая. Наверное, поэтому мне такое снится. Душа ищет покоя, а он где-то там, недостижимый, скрытый. Я по-прежнему считаю мамину смерть ужасно несправедливой. Она не должна была умереть такой молодой!

Спустя какое-то время я немного успокоилась, и в области сердца появилось новое чувство – это пробуждалась моя решимость изменить свою жизнь и выйти из этого замкнутого круга.

Все! Так больше продолжаться не может, иначе я сойду с ума! Ленка давно предлагала мне свою помощь, а я все отказывалась, не хотела пускать никого в свой «хрупкий внутренний мир». Но эти сны становятся все «страньше и страньше», как говорила Алиса в Стране чудес. Не исключено, что в них таятся ключи и отгадки, а я их игнорирую. Дура!

В очередной раз разбередив душевные раны, я все же нашла в себе силы встать и начать собираться. Внезапно я вспомнила про березу и побежала на кухню. Фух! На месте, родимая, никуда не делась. Слава богу!

– Шнайдер, давайте зачетку, – сказала преподавательница, после того как я ответила на дополнительные вопросы к билету. – Хм... София Генриховна... У вас немецкие корни?

Я кивнула.

– У меня тоже... – сказала она, расписалась рядом с отметкой «хорошо» и обратилась к моим сокурсникам: – кто идет отвечать?

После успешно сданного экзамена по микроэкономике я вышла из аудитории, быстрым шагом прошла по коридору, спустилась на пару этажей вниз и, отчего-то волнуясь, позвонила Лене. Она – единственный человек, кто поддерживает меня. Единственный, потому что больше я никому не доверяю.

Мы дружим уже лет пять, со старших классов школы. Всякое бывало: и ссорились, и не разговаривали неделями, но всегда мирились и продолжали дружить. Ленка надежная, как скала, но немного эксцентричная. Только ей я могла бы позвонить среди ночи и сказать, что мне нужна помощь...

Но год назад я дождалась утра, хотя страшное известие из больницы пришло накануне вечером.

Всю ночь я истерично рыдала, кричала, что этого не может быть, обращалась к маме: «Как ты могла?!» – а под утро, изможденная, уснула.

Проснувшись, первым делом я позвонила не отцу, а именно подруге. Сквозь слезы я сообщила ей, что мамы не стало, что Лене приезжать не надо и я справлюсь сама.

Потом я долго собиралась с мыслями, чтобы сделать второй звонок.

– Папа, – я с трудом выдавила из себя это слово. И горько разрыдалась, не в силах сказать что-то еще.

Он все понял. Он знал, что мама в больнице, но не приходил к ней. Это меня ужасно злило: он не был с ней рядом в последние дни. Да и я не была рядом. Уехала домой утром того злосчастного дня, оставила маму в палате с сиделкой.

Тогда я положила трубку, не дожидаясь реакции отца, отложила телефон, свернулась калачиком на кровати и лежала, тихо подвывая. В этот момент раздался звонок в дверь. Это была Лена. Я была так благодарна ей за то, что она примчалась поддержать меня! Я поняла, что теперь именно она мой самый близкий человек. Мы обнялись прямо в дверях и плакали навзрыд, пока слезы не кончились.

Наверное, не зря подруга выбрала профессию психолога. Только лишь одним своим присутствием она всегда облегчала мое состояние. И не только мое. Она – вечная «жилетка» для всех страждущих. Вот и мне пора поплакаться.

Стоя в холле университета, я нетерпеливо слушала длинные гудки, переминаясь с ноги на ногу. Наконец щелчок и заветное «Алло...»

– Леночка, я так больше не могу! Привет, кстати, – выпалила я.

– Сонечка, что случилось? Ты в порядке?

– Нет, не в порядке. Меня замучили страшные сны. Я тебе рассказывала о них. Нам надо встретиться и поговорить об этом. Мне нужна твоя профессиональная помощь.

Пауза на том конце линии несколько затянулась.

– Лен, ты же давно предлагала мне свою помощь...

– Да... Я хочу помочь, но это такая ответственность. Мне немного страшно. Я же еще не все изучила, далеко не все.

– Леночка, давай попробуем. Я больше никому не доверю копаться в моем подсознании. Поразмыслив, подруга сказала:

– Ну, ладно. Рискнем. Мы как раз недавно Юнга проходили: он работал со сновидениями. Попробуем применить на практике. Ты готова стать подопытным кроликом?

– Кажется, я уже на все готова! – ответила я.

– Приезжай прямо сейчас. У меня следующий экзамен послезавтра, я успею подготовиться, – беспечно сказала Лена.

– Хорошо. Жди меня! Пока.

– До встречи, Сонечка.

Я положила трубку, чувствуя некоторое облегчение, убрала телефон в рюкзак, бросила безразличное «пока» парочке однокурсников и, надев объемную куртку и застегиваясь на ходу, быстрым шагом пошла, почти побежала к автобусной остановке.

– Ну что, зима – у шизофреников обостряется активность? – Ленка встретила меня на пороге квартиры своими обычными шуточками, хитро прищутив красивые зеленые глаза.

– Я думала, весной и осенью у них обострение, – с грустной улыбкой ответила я.

– Ну, значит, это авитаминоз. Проходи.

Я оставила куртку в коридоре на вешалке, взяла рюкзак, достала телефон, чтобы отключить звук, будто мне может кто-то позвонить, и заметила, что пальцы трясутся, а в груди стремительно нарастает тревожность.

– Ты знаешь, это... – сказала я, заходя в гостиную и останавливаясь в нерешительности. – Если ты не готова, давай перенесем этот разговор. Кофейку попьем с печеньками, а?

Ленка как раз протянула руку к лежащей на журнальном столике книге. Она замерла на секунду, затем взяла ее и устроилась на краю дивана с подчеркнута прямой спиной. Она нарочито тяжело вздохнула, сделала недовольное лицо, насупив брови, и больше всего в этот момент напоминала строгую учительницу. Я почувствовала себя не в своей тарелке.

– Что, прямо вот так сразу?! – строго спросила она.

– Что сразу? – робко уточнила я.

– Известно что! Саботаж!

Ноги мои подкосились, и я плюхнулась на диван рядом с подругой. Слезы потекли сами собой. Я не понимала, что происходит.

– Ой, – озабоченно сказала Лена, переменившись в лице. – Прости, пожалуйста. Я не хотела тебя напугать, – дрожащим голосом продолжила она. – Мы это проходили просто. Это нормальная реакция подсознания на возможные изменения. Оно нас так защищает, – уже почти прошептала она. – Сонечка, прости! Я сделаю кофе.

И она убежала на кухню.

Мне как будто стало немного полегче, и, облокотившись на спинку дивана, я дала волю слезам. Это была не истерика: слезы медленно катились по щекам, а перед глазами я видела мамино лицо.

«Как ты могла?» – думала я.

– Так-с, – Ленка с умным видом листала книжку. – Ага, вот оно!

Она положила в учебник мобильник вместо закладки, и мы сидели и пили кофе в полной тишине.

Я поставила пустую кружку на столик очень медленно, понимая, что дальше откладывать не получится, и тревога дала о себе знать с новой силой. Мне пришлось собрать всю свою решимость, чтобы начать разговор.

– Лен, я схожу с ума. Они, эти сны, все страшнее и страшнее, и каждую ночь, и это стекло... – Я начала всхлипывать.

Она обняла меня за плечи и сказала, чтобы я глубоко дышала и не плакала с закрытыми глазами. Если плакать с открытыми, то не так сильно впадаешь в жалость к себе. Я прислушалась к ее совету и потихоньку успокоилась, а подруга принесла стакан воды и салфетки. Много салфеток.

– Что ж, – сказала Лена, – сейчас мы сконцентрируемся на подробностях твоего сновидения. Хорошо было бы, конечно, его записать во всех деталях, включая цвета, количество разных предметов, эмоции. Но уж как есть. Начинай.

– Знаешь, там так страшно было, что я все-все помню! – сказала я, тяжело вздыхая, и во всех подробностях пересказала историю, начиная с как бы обычного пробуждения в своей квартире.

Лена слушала очень серьезно, не перебивая и конспектируя без остановки. Когда я закончила свой рассказ и снова начала всхлипывать, она протянула мне воду и салфетки со словами:

– Плачь, если хочешь. Только глаза не закрывай, а то мы до завтра тут будем сидеть.

– Я, кажется, передумала плакать, – вытирая слезы и печально улыбаясь, сказала я. Мысль о бесконечных рыданиях до самого утра меня не прельщала.

– Вот и хорошо, – деловито заявила Лена, – давай разбираться.

Она просмотрела свои записи, сделала несколько пометок и, повернувшись ко мне, начала:

– Так-с... Я буду рассказывать свою версию, а ты анализируй и озвучивай ассоциации. Смотри, во сне ты увидела свое обычное утро и вдруг обнаружила: то единственное, незыблемое, что ты привыкла видеть каждый день, исчезло, лишив тебя внутреннего равновесия. И отсутствие этого привычного делает для тебя видимой жизнь других людей и тебя видимой для них, и тебя это раздражает, так? Дальше ты увидела, что твой привычный мир погружен в морскую воду, которая, как мы помним, соленая.

Я начала понимать, к чему она ведет, и продолжала внимательно слушать.

– Затем ты вышла в подъезд, и то, что обычно считается безопасным, таковым для тебя интуитивно не является. И твои ожидания оправдываются, ты резко оказываешься в море...

– Слез, – заканчиваю я фразу за подругу.

– Ага, хорошо. Следишь за ходом мысли. Да, там было у тебя, что вода щиплет глаза. Уверена, это про слезы. Кроме того, темно-синяя толща воды мешает тебе видеть, где безопасно, где можно выплыть, то есть мешает найти выход, иными словами.

Меня так заинтересовало Ленкино объяснение, что я на время забыла страдать.

– Потом в этом море ты почувствовала скрытую угрозу, помимо страха утонуть, и отключилась.

– Да... – задумчиво сказала я. – Мне кажется, это страх сойти с ума или страх беспроектной депрессии. Наверное, так.

– Да, похоже на то. Именно этот страх привел тебя сюда сегодня.

Мне снова стало жалко себя, но я совладала с собой, чтобы продолжить.

– Лучше плачь, Соня. А то утонешь в море слез, – сказала Лена, сочувственно глядя на меня.

И я плакала. Тихо и долго. Иногда делала глоток воды, вытирала слезы очередной салфеткой и снова плакала. Конечно же, с закрытыми глазами.

Потом слезы высохли. Мои веки распухли и сильно зудели. Время от времени я терла глаза тыльной стороной ладони.

– Думаю, стоит сделать перерыв, – сказала Лена, забрала пустые кружки из-под кофе и ушла на кухню за бутербродами и сладким чаем для нас.

Я отрешенно смотрела в окно, обмякнув, ссутулившись и положив на колени обессиленные руки. Уже темнело, хотя было еще совсем не поздно. Я понимала, что мы в самом начале пути, и меня пугала перспектива выплакать за один день все слезы, накопившиеся за год. Даже за два года.

Когда Лена пришла с небольшим подносом, я поделилась своими опасениями, что, может, мы зря все это затеяли, но подруга сказала, что дальше полегче пойдет, ведь теперь мое подсознание знает, что можно хоть где-то проявлять подавленные эмоции. Тогда у меня появилась робкая надежда разобраться с этой ужасной стеклянной стеной.

– И вот еще что, – сказала Лена, откусывая огромный кусок бутерброда, – если кратко, то если ты год назад не сошла с ума – уже не сойдешь. Надеюсь, тебя это успокоит. Твое подсознание уже сделало свой выбор тогда. С депрессией не все так однозначно, но я постараюсь тебе помочь!

Я поблагодарила подругу, а потом, ощутив внезапный приступ голода, буквально заглотила один бутерброд за другим. В данной ситуации мой организм, похоже, расценил сладкий чай как целебный бальзам, и у меня появилось призрачное ощущение, что жизнь налаживается.

– Море слез, – ухмыляясь, сказала Ленка.

– Море слез, – повторила я, и мы вместе безудержно захохотали, согнувшись пополам.

Все эмоциональное напряжение улетучилось в один миг, и я поняла, что готова двигаться дальше.

– Так-с... Теперь самое интересное. Навязчивые образы. Сколько раз примерно ты уже приходила к этой стене? – спросил мой юный психолог.

– Тысячу! – не задумываясь, воскликнула я.

– Не сходится, – гнусавым голосом сказала Лена, протягивая к моему лицу ручку, наподобие микрофона. – Триггерная ситуация случилась примерно год назад, а в году 365 дней. Так что по шкале от одного до трехсот шестидесяти пяти оцените, пожалуйста, количество повторов.

– Ох, да... – задумчиво сказала я, улыбаясь Ленкиной манере переводить все в шутку. – Раз десять, точно. Но это сновидение так выматывает, что кажется, уже тысячу.

– Понятненько, – продолжила она паясничать, делая пометку в блокноте, но тут же снова стала серьезной и деловито задала следующий вопрос: – Этот образ пещеры, откуда он появился? – спросила она.

– В книжке какой-то прочитала...

– Соня, а ты, когда прочитала, представляла, что там дальше будет, когда ты выйдешь?

– Нет, мне тогда это было не сильно интересно. Вообще не знаю, почему я начала эту книжку читать. Там что-то полезное было про то, как бросить курить. Наверное, поэтому. Хотела папе помочь... А потом быстро расхотела, и ты, конечно, знаешь почему, – сказала я, и, насунив брови, скрестила руки на груди, уставившись в черноту за окном.

– Знаю, – вздохнула Лена. – Но сейчас не об этом, а о твоём сне. Смотри, у Юнга написано, что можно погрузиться в мир образов твоего сновидения и стать кем угодно и чем угодно из этого списка.

Лена придвинула ко мне блокнот с записями и прочитала вслух:

– Пещера, камни, вода, поворот, стена из матового стекла...

– Стеной! – воскликнула я в нетерпении. – Я хочу стать стеной! Тогда я увижу, что там, за ней!

– Вот и молодец, – удовлетворенно улыбнулась моя подруга. – Закрой глаза, сделай несколько глубоких вдохов и выдохов, и представь, что стеклянная стена – это ты. Что ты чувствуешь, что ты видишь?

Я замолчала на несколько минут, концентрируюсь на образе.

– Я стена, стеклянная, холодная со стороны пещеры и теплая с другой стороны. На меня падают прохладные капли водопада. В пещере тщедушное тельце то бьет меня, то пинает, то рыдает, облокотившись на меня. Мне ровно. Я просто есть.

– Хорошо, продолжай, – подбодрила Лена.

– Ага. Лен, там так красиво с другой стороны! Я тебе передать не могу! Ярko светит солнце, все утопает в зелени и цветах – просто тропическое буйство красок, а вдалеке я вижу море и окруженный садом особняк на берегу. Как в сказке!

– Что ты чувствуешь, глядя на эту красоту?

– Не зря я туда хотела. Там *мой персональный рай*.

Я открыла глаза.

– И что, вот так просто можно было сделать? А я мучилась столько времени? – разочарованно спросила я.

– Во-первых, все происходит по мере готовности. То есть приди ты раньше, не факт, что получилось бы. И во-вторых... Не хочу тебя расстраивать, но знание того, что там, за стеной, не гарантирует, что в следующий раз ее не будет, – пожала плечами Лена и закрыла книжку. – Думаю, на сегодня все.

– Грустно... – Я с досадой отодвинула блокнот с записями подруги.

– В смысле?! – возмущенно воскликнула Ленка. – Ты хотела узнать, что за стеной, тебе стало легче?

– Ой, прости, – спохватилась я. – Правда, столько всего стало понятно! И береза эта, и море. А я расстроилась, что стена, может, и не пропадет в следующий раз. Прости, пожалуйста!

– Да ничего, бывает, – снисходительно сказала подруга, тепло улыбаясь. – Я бы на твоём месте тебя убила. – Она закрыла лицо руками. – Столько плакать тебе пришлось...

– Нет, нет! Мне намного легче! Я только сейчас поняла, как легко стало на душе!

Мы обняли друг друга крепко-крепко, а потом долго сидели, взявшись за руки и глядя прямо перед собой, – каждая в своих мыслях.

Я ехала домой, думая снова и снова о прекрасном месте с особняком, морем и садом. Странно, но в час пик для меня нашлось свободное место в вагоне метро. Я пришла домой, бросила куртку и рюкзак на пол в прихожей. Еле передвигая ноги, добрела до дивана и заснула прямо в одежде, кажется, уже в момент, когда щека коснулась подушки.

Глава 2. Идеальный мир

Мой новый день начался с приятного ощущения, что я выпалась, и впервые за долгое время мне не снилось абсолютно ничего. Невероятно! И надо же было мне столько терпеть страдания, чтобы вот так запросто все решилось! Я села, глянула в сторону окна и заметила, что между шторами пробивается луч солнца. Значит, на улице сегодня очень красиво и, скорее всего, морозно.

«Какой чудесный день!» – думала я, попивая кофе и довольно улыбаясь. Потом позвонила Ленке, чтобы рассказать, как все хорошо теперь. Подруга очень обрадовалась и предложила погулять после обеда.

Часа в три она позвонила в домофон и сказала, что ждет меня внизу. Я оделась потеплее, взяла телефон и спустилась. Погода была великолепная, под стать моему настроению. Снег искрился на ветках деревьев и на волнистой поверхности сугробов. Я зажмурилась от удовольствия, а потом внимательно и с наслаждением разглядывала мерцание снежинок, пока мы с Леной медленно шли по двору. Просто удивительно, как с каждым шагом одни снежинки будто выключаются, а соседние включаются. Я любовалась этим мерцанием, все больше погружаясь в свои размышления. На две вещи я могу смотреть бесконечно: снежное покрывало в солнечный день и яркое голубое небо. Нет ничего прекраснее этого. Ну, разве что еще горы. И море, и зелень, и цветы, и бабочки, и... Я пыталась слушать, что говорит подруга, но мыслями была далеко. После моего очередного «угу», сказанного невпопад, Лена возмущенно сказала, щелкая пальцами перед моим носом:

– Эй, Соня, ты где вообще?! Я ей тут рассказываю, что препод по психологии того и гляди завалит меня на экзамене, а она витает где-то в облаках!

– Прости, пожалуйста. Да, так и есть, в облаках. Стой! Почему это она тебя должна завалить?

– Не любит она меня, считает, что с моим характером нельзя быть психологом.

– Что-о?! Она так и сказала?! – удивилась я.

– Да нет, не совсем так. Она на лекции сказала, что, по ее мнению, психолог должен быть деликатным. А где я ей возьму эту деликатность, если ее нет?! – возмущенно спросила Ленка, размахивая руками. – К такому жизнь меня не готовила! Жизнь меня пинала и учила показывать зубы, чтобы выжить.

– Все будет хорошо, – я постаралась подбодрить Лену. – Вот увидишь, сдашь ты этот экзамен.

После прогулки мы поднялись ко мне, ели горячий суп и болтали о фильмах и музыке. Это был самый чудесный день!

И вот надо же было ему опять все испортить! Мне позвонил отец:

– София, здравствуй.

– Привет, – сказала я упавшим голосом.

– Как ты? – в его голосе не было и тени заинтересованности.

– Нормально.

– Помнишь, я обещал переводить тебе больше денег на карту? Думаю, у меня сейчас нет такой возможности. Левочка пошел в платный детский сад...

– Понятно, – мой голос предательски задрожал, а на глаза навернулись слезы. – Это все?

– Да, хотел просто предупредить. До свидания.

– Пока, – выдавила я из себя, с трудом сдерживая всхлипывания, и поспешно отключила звонок.

Левочка! Чтоб ему! Если бы не этот Левочка, может быть, все было бы по-другому, и мама была бы жива. Лишил меня сначала отца, потом мамы, а теперь давай отнимай у меня

еще и средства к существованию! А потом что?! Иди, доченька, работай официанткой, не буду больше тебе помогать?!

Левочка, Левочка, Левочка! Бэ!

Злость, раздражение и ненависть к этому сопляку – вот что я чувствовала всегда, а сейчас особенно! Я не верила, что у отца нет денег, просто ЭТА вечно настраивает его против меня. Наверняка это ее идея.

Лена выжидающе смотрела на меня и не стала задавать вопросов: она знала, что если я захочу поделиться, то расскажу сама. Я не захотела.

Снова пещера. Без вступления, без моря слез и чего-то подобного. Я иду к повороту уже уверенно. Затаила дыхание, выглянула... Стена. Противная, мерзкая стена! Иду к ней уже равнодушно, без эмоций, без обид. Подхожу к стеклу, прикасаюсь к прохладной поверхности, и – о чудо! – рука проходит сквозь стену, как будто это голограмма, иллюзия, а затем видение растворяется, и вот уже проход открыт!

Я не верю своему счастью! Медленно прохожу под водопадом: я зажмуриваюсь, когда упругие холодные струи стекают по лицу, по волосам, по плечам, по рукам, по всему телу. Одежда моя намочена, но снаружи пещеры так жарко, что это даже кстати. Воды в ручье уже по колено, и дальше, похоже, будет еще глубже, поэтому я осторожно выбираюсь по удобным плоским камням на берег и иду по тропинке к морю. Хочется раскрыть глаза пошире, чтобы они вместили все это великолепие. Вдыхаю ароматы цветов, трав и моря. Это самое лучшее сочетание природных красот, которое я когда-либо видела, хотя бы на картинках. Я оборачиваюсь и вижу, что уютную, утопающую в зелени бухту, обрамляют высокие, живописные горы. Для меня это место – истинный рай, островок безопасности и удивительной гармонии.

Я двигаюсь дальше, дышу полной грудью и подхожу к песчаному пляжу. Обувь на мне нет, поэтому я явственно ощущаю переход с мягкой травы на мелкий, очень теплый, покалывающий кожу песок. С моря дует приятный ветерок, и кажется – вот-вот появятся за спиной крылья, и я полечу...

Море плавно перекачивает небольшие волны, создавая самый приятный шум на свете. Я встаю на мокрый песок и жду пару мгновений, пока волна накроет стопы. Море теплое, ласковое. Я делаю несколько шагов вперед и решаю, что искупаюсь немного позже, а пока схожу в особняк.

От ровной площадки перед центральным входом расходятся три мощные светло-серым камнем дорожки. Центральная из них ведет напрямик к деревянному пирсу, а две другие, образуя диагонали, ведут в разные точки пляжа. Мне не терпится попасть в особняк, поэтому я выбираю кратчайший путь и иду по левой дорожке, слегка затененной пышной растительностью. Сад просто великолепен: деревья, кустарники и цветы высажены очень естественно, но при этом все выглядит так, будто за ними каждый день ухаживает садовник.

Я останавливаюсь перед входом в дом и поднимаю глаза, окидывая взглядом роскошную лестницу из белого мрамора и светло-бежевый фасад. Здание напоминает дворцы эпохи Возрождения. Я такие видела на картинах в музее. Тема Ренессанса почему-то оказалась мне очень близка, поэтому я запомнила множество деталей, когда мы были с бабушкой в Старой пинакотеке¹ в Мюнхене. И вот передо мной великолепный особняк, первый этаж которого украшают высокие полукруглые окна, обрамленные изящным декором белого цвета, всецело соответствующие стилю здания. В центральной части, прямо над входом расположился бал-

¹ Старая пинакотека – художественный музей в Мюнхене, в котором представлены произведения известных живописцев с XIII по XVIII век.

кон, украшенный балюстрадой, арками и колоннами. Несмотря на обилие деталей, фасад не выглядит вычурным. Напротив, эстетичное сочетание всех элементов вызывает желание разглядывать их и любоваться.

Я поднимаюсь по лестнице и подхожу к двери, которая кажется невероятно тяжелой из-за своих грандиозных размеров, но открывается, на удивление, легко.

Я попадаю в огромный холл, залитый солнечным светом. Интерьер, представший передо мной, – просто образец элегантной роскоши. Белоснежная лепнина и пилястры гармонично сочетаются с шелковой обивкой стен светло-персикового оттенка. Картины на стенах, зеркало в деревянной раме и изящная консоль, кушетка с асимметричной спинкой в форме волны, небольшой журнальный столик, затейливо инкрустированный разными породами дерева... Такое ощущение, что я в музее, но почему-то имею полное право здесь не только трогать экспонаты, но и целиком распоряжаться этим пространством.

По узорчатому мраморному полу я двигаюсь в направлении белой лестницы, ведущей на второй этаж. Провожу пальцем по спинке кушетки, обтянутой таким же шелком, что и стены, подхожу к зеркалу, разглядываю блестящую лакированную поверхность консоли и перевожу взгляд на свое отражение, втайне надеясь, что здесь я похожа на изящную нимфу. Но нет! Все те же лишние килограммы, голубоватые, почти бесцветные глаза, еле заметные брови и светло-русые волосы – такие, серенькие. «Пухлая посредственность!» – с досадой думаю я.

Тяжело вздыхаю и иду дальше. Слева от меня две двери, а справа только одна. Ярываюсь между желанием исследовать второй этаж и любопытством, побуждающим поскорее открыть ближайшую ко мне дверь. Моя нетерпеливость, впрочем, берет верх. Я берусь за ручку высокой двустворчатой двери, медленно открываю и попадаю в гостиную. В центре комнаты, выдержанной в нежных сиреневых тонах, стоит круглый стол, сервированный изысканной фарфоровой посудой, и шесть белых классических стульев. Слева от меня, у стены, расположен большой, уютный диван, а справа витрины и комод с вазами и старинными бронзовыми фигурками. Сиреневые портьеры с ламбрекенами украшают стеклянную дверь, ведущую на террасу, и огромные французские окна в пол. По моим расчетам, это западная сторона дома, и отсюда можно любоваться чудесными закатами.

Все еще не веря, что могу управлять своим сновидением и создавать здесь все по своему желанию, я долго разглядываю предметы мебели и украшения интерьера. Затем я выхожу на террасу, люблюсь морем, вдыхаю его бесподобный аромат. Замечаю на террасе еще одну дверь, явно ведущую в соседнюю комнату, решительно открываю ее и оказываюсь в спальне. Дверь и окна расположены симметрично по отношению к гостиной, да и вся планировка комнаты является ее зеркальным отражением. Цвета, впрочем, совершенно другие: светлые и темные оттенки зеленого гармонично сочетаются в декоре стен, штор и богатого балдахина над резной деревянной кроватью.

Рыжевато-коричневый столик-трюмо и большой резной комод дополняют интерьер. Обитый узорчатой тканью пуфик и невероятных форм флакончики, изящные фарфоровые статуэтки, картины в резных рамах... Мама была бы счастлива здесь оказаться. Для меня в этой спальне все чересчур, я предпочитаю более лаконичный стиль в интерьере. Интересно, зачем в доме моей мечты такой помпезный будуар?

Выйдя через высокую деревянную дверь, я вновь оказываюсь в холле, но уже ближе к лестнице. Все-таки осматрюсь пока на первом этаже. С некоторой опаской я открываю дверь напротив спальни.

И... О боже! Это огромный балльный зал, способный вместить человек пятьсот! Ну, не пятьсот, конечно, но пару сотен уж точно. И все это для меня одной! Когда я смотрела мультфильмы про принцесс, мечтала оказаться в таком зале: мраморный пол из светлой и темной плитки, как шахматная доска, огромные окна в пол, а напротив такой же формы зеркала, отчего помещение выглядит еще просторнее. Приосанившись, я торжественно захожу в зал и кру-

жусь-кружусь в танце с воображаемым принцем под воображаемую музыку... Но это быстро мне надоедает, и я выхожу на восточную террасу особняка прямо из зала. Здесь вроде как должны сбываться мои мечты, но все немного не то и не так... Интересно почему? Непонятное ощущение. Ладно, главное, что почти отовсюду видно море и синее яркое небо. Красота....

Решаю, что пришла пора подняться по лестнице. Интерьер второго этажа, несмотря на классический стиль в оформлении, выглядит более современно. Не знаю, как это объяснить, но разница с первым этажом ощутимая.

Я дергаю ручку двери первой комнаты. И, к моему огромному удивлению, она заперта. На всякий случай я дергаю ее еще несколько раз, толкаю, тяну на себя – действительно заперто. Подхожу к следующей двери – история, увы, повторяется. Удивительно! Мой мир – мои правила, разве не так?

Пожимаю плечами и подхожу к открытой двери, ведущей на балкон. Хотя бы здесь нет никаких тайн и загадок. На балконе стоит шезлонг и симпатичный стеклянный столик с изящными коваными ножками. Я ложусь на шезлонг, любуюсь морем и боковым зрением замечаю, что на столике появился букет красных роз в вазочке и креманка с шариками мороженого, а рядом с ней маленькая серебряная ложечка. Красота! Насладившись прохладой и сладким вкусом мороженого, я встаю, выхожу с балкона, и проверяю еще две двери на втором этаже. Они тоже заперты! Это просто возмутительно! В моем сне творится форменное безобразие! Ладно, сейчас мне некогда, а потом я с этим обязательно разберусь!

Спустившись на один пролет, останавливаюсь на площадке с тремя высокими окнами, которая расположена прямо напротив входа в особняк. Впрочем, то окно, что находится в центре, оказывается дверью, ведущей на еще одну террасу, по обеим сторонам которой спускаются в сад две закругленные лестницы. Выйдя на эту террасу, внизу я вижу круглую, мощенную камнем площадку с прекрасным мраморным фонтаном в центре. От этой площадки дорожка ведет в сосновый лес, по холмам в сторону гор. Вид, надо сказать, тоже завораживает. И с этой террасы также видно пещеру, через которую я попала сюда.

Ну что ж, кажется, я славно потрудились, создавая это прекрасное место для себя. Вот только эти четыре комнаты на втором этаже не дают мне покоя. Но я чувствую, что сегодня экскурсию пора завершать. Поэтому возвращаюсь в дом, выхожу через главный вход и направляюсь в сторону пещеры. Где-то на полпути картинка начинает расплываться, пропадает четкость, и темный туман заволакивает все...

...и тут же стало светло – я проснулась и открыла глаза.

Ух ты! Чувство восторга переполняло меня. Как же здорово, что у меня получилось! Такое светлое, безопасное место. Мой личный рай! Честно говоря, в тот момент не очень-то хотелось возвращаться в эту серую, малоприятную жизнь. Ну как жизнь – существование. Нервотрепка с учебой, сложные отношения с отцом, переживания по поводу маминого ухода – я так устала от всего этого! А там... Море, солнце, красота. И запертые комнаты, черт возьми! Надо же было так себе все испортить! Впрочем, я, кажется, поняла. Наверное, у меня еще не придумался интерьер этих комнат, вот они и закрыты. Я вздохнула с облегчением, села на постели и погрузилась в приятные воспоминания об увиденном мною месте.

Глава 3. Это все несправедливо!

Дни проходили за днями. Мы с Леной много говорили о моих сновидениях. Она пыталась их трактовать то так, то эдак. Но каждый раз получалось, что теперь в своих снах я просто попадаю в приятное место, где отдыхаю душой.

По окончании экзаменационной сессии к нам в группу из другого университета перевелся парень – Макс Ковалев. Такой вроде бы скромный, но невероятно харизматичный. Он умел как-то так сказать слово, вставить реплику, что было сразу понятно: он очень умный, и с чувством юмора у него порядок. А уж его внешность никого из девушек не оставила равнодушной. Все студентки нашего потока шептались на парах, частенько бросая на Макса как бы незаметные взгляды. В общем, взошла на нашем горизонте такая вот звезда. А мне, кроме Лены, и поговорить-то об этом было не с кем. Я закрылась от всех однокурсников, не хотела, чтобы меня жалели. Просто замкнулась в себе после всего, что случилось, и изо всех сил старалась сосредоточиться на учебе. Даже не сказала никому в группе, что потеряла маму.

– И она такая подходит к нему и спрашивает: «У тебя есть зажигалка?» – и хлопает ресницами своими километровыми. А он ей: «Я не курю, извини». И дальше учебник листает, – я рассказываю Ленке, как девчонки подкатывают к Максиму. Мы сидим в кафешке после пар и пьем кофе. – Задержали парня, если честно. А он никакого интереса не вызывает ни к одной из них.

– А тебе-то что? – спросила подруга, хитро прищурившись.

– Ну как же... Интересно. Новый человек, – немного смутившись, ответила я.

– Ну да, ну да. А глаза у него какого цвета? – понизив голос, сказала Ленка.

– Карие... – мечтательно протянула я и замерла, опершись на ладонь и рассеянно уставившись в одну точку.

– Подруга! Все плохо, – услышала я вкрадчивый шепот Ленки рядом с моим ухом. Она наклонилась ко мне еще ближе и уже совсем тихо добавила: – Ты влюбилась!

И она внезапно громко засмеялась, откинувшись на спинку стула.

Я растерянно посмотрела на нее. Было ужасно обидно, что она так сказала, и еще обиднее, что это так смешно для нее.

– Ничего я не влюбилась, – зло прошептала я. – Вот еще! Да и шансов у меня никаких нет. Даже мечтать нечего!

– Почему это нет шансов? – вдруг посерьезнев, спросила Лена.

– Знаешь, я себя в зеркале каждый день вижу, и оно мне говорит, что у меня нет шансов. Я толстая, неинтересная и вообще никакая, – я с трудом сдерживала слезы, а в голове крутилась мысль: «Тебе не понять! Ты у нас из тех, кто будет идти в самом простом свитере и старых джинсах, а парни будут свистеть вслед и подкатывать. Да и не ходишь ты в такой одежде, а все больше в вызывающей, яркой, облегающей! А я, что я? На меня и не смотрят, как будто я прозрачная». – Если бы такой парень подошел ко мне познакомиться, я бы от стыда сгорела и решила бы, что он прикалывается, чтобы все посмеялись. Вот! И говорить тут не о чем! – выпалила я.

Лена поменялась в лице. И я увидела в ее глазах самое ужасное, что только могла представить, – жалость! Она хотела обнять меня, но я вскочила из-за стола, поспешно натянула пуховик, в два шага оказалась на улице и решительно пошла на автобусную остановку, еле сдерживая слезы и стремясь быть еще незаметнее, чем обычно.

В рюкзаке настойчиво звонил телефон. Я не отвечала – знала, что это Лена. Возможно, потом. Наверное. Когда-нибудь.

Дома я дала волю чувствам и рыдала в голос, стоя в ванной у большого зеркала и адски придиричиво разглядывая каждый недостаток своей внешности. Переводя взгляд с перекошен-

ного рыданиями лица на неудачную прическу, потом на рыхлый живот. С каждым разом завывая все громче и громче, я в конце концов сорвалась на истерику, села на пол, опершись на боковину ванны спиной, и орала до хрипоты, наплевав на то, что соседи могут услышать.

Так прошел час или два, или пятнадцать минут, кто его знает, но потом слезы высохли. В горле ужасно першило. Я нехотя поднялась с пола и, стараясь не смотреть в зеркало, чтобы не разреветься снова, поплелась на кухню, чтобы вскипятить чайник и потом тихо жалеть себя, вспоминая, какая я уродина.

Через полчаса старательных страданий, я пошла в коридор, достала телефон, увидела восемнадцать пропущенных звонков от Ленки, тяжело вздохнула и набрала ей.

– Прости меня, прости, пожалуйста! – причитала подруга. – Я не хотела, правда! Откуда мне было знать, что ты так к себе относишься?! Для меня ты хорошенькая, добрая, милая, симпатичная...

Я молчала. Я не знала, что сказать. Никогда я так не думала о себе. Никогда так никто не говорил обо мне. Я всегда видела в себе только недостатки, с детства.

Лена еще много хороших слов обо мне сказала, но я их будто не слышала, как если бы это говорили не обо мне, а о ком-то мне совершенно неинтересном. Я ей не верила. Наверное, она сказала это из жалости, чтобы я, такая бедненькая-несчастненькая, не расстраивалась. Пусть это расскажет зеркалу и моему отцу! Ничего нет во мне хорошего. Ни-че-го!

– Окей, – грустно сказала я.

– Что окей? – удивилась Лена.

– Все нормально, – ровным голосом сказала я. – Давай, пока. Увидимся завтра.

Я положила трубку и без сил легла на диван.

Я сижу в аудитории. Через пару минут начнется лекция, но преподаватель еще не пришел. Студенты проходят на свои места, многие из них уже подготовили тетради, ручки и заняты перепиской в телефоне или просматривают соцсети и, смеясь, обсуждают интернет-мемы.

Я безучастно смотрю на пустую доску и, вытянув руки перед собой, верчу пальцами ручку. Вдруг вижу, что в аудиторию входит Макс Ковалев. Его появление вызывает у меня что-то вроде испуга. Я поспешно отворачиваюсь, надеюсь, что он не заметил мой пристальный взгляд. Хватаю рюкзак и делаю вид, что ищу что-то очень важное. Потом поднимаю глаза и все-таки встречаюсь с ним взглядом. Он просто ищет свободное место, это совпадение. Внезапно я чувствую, что с моим телом что-то происходит. Оно начинает раздуваться и увеличиваться, щеки выпирают настолько, что глаза стали узкие-узкие, руки распухли, пальцы напоминают сосиски. Я в ужасе, но сдерживаю вырывающийся крик, чтобы не привлекать внимания. Инстинктивно я стараюсь сдержать руками увеличивающиеся бока и раздувающийся живот. Больше всего мое тело сейчас напоминает убегающее из кастрюли тесто. И *он* это видит, и все уже заметили! Вдруг я понимаю, что на парте передо мной лежит огромная гора бургеров, картошки-фри, пиццы и другого фастфуда. Все смотрят на меня сначала в недоумении, а потом начинают показывать пальцами на еду, на меня, снова на еду, и хохотать. Все, кроме Макса. Он смотрит спокойно, без осуждения, без улыбки даже. Мне хочется провалиться сквозь землю, испариться, исчезнуть, только бы не быть там сейчас. Я закрываю лицо руками, пригнув голову, как будто меня будет не видно, если я так сделаю. Гвалт нарастает, переходит в истерический, срывающийся на визг, смех. Я зажмуриваюсь, и, не выдержав напряжения, кричу, что есть силы. Смех резко смолкает. Я несмело открываю глаза.

Осторожно оглядываюсь по сторонам: вроде бы в помещении никого нет, я здесь одна и выгляжу как обычно – пухлая, но не огромная. Я оборачиваюсь, смотрю через плечо назад, чтобы убедиться, что там тоже никого нет, но вижу Макса, сидящего на дальнем ряду и смот-

рящего на доску с таким вниманием, как будто там преподаватель рассказывает что-то невероятно интересное. Макс меня не видит, как если бы я была призраком или что-то вроде того. Он будто в параллельной реальности, он просто сидит на обычной лекции, а я... А меня это более чем устраивает. Надеюсь, что он не помнит или не видел того уродства, того чудовищного преобразования, которое случилось несколько мгновений назад. Надеюсь, что он меня не видит.

Я проснулась в холодном поту. Худшего унижения мне не доводилось испытывать. И слава богу, что это был только сон! Потому что в тот момент все казалось очень даже реальным. Что это значит? Зачем мое подсознание выдает такое?

Я посмотрела на часы на экране мобильного. Пять утра. Теоретически можно было еще поспать перед учебой, но я понимала, что после такого мне не уснуть. Я долго ворочалась, а потом, незадолго до звонка будильника, задремала.

Разбитая после такой ночи и вчерашнего дурацкого дня, я нехотя сбросила разбудившее меня пикивание, ожидая повтора через пять минут и категорически не желая вставать. Я лежала на спине в темной комнате, уставившись в потолок, и прокручивала этот сон в голове снова и снова. Когда я вспоминала, как меня разносило у всех на глазах, мне хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю. Я физически в теле ощущала, как все внутри сжимается от страха при этом. И самое обидное, что я почти не ем фастфуд. Только изредка, за компанию с Леной. Она его просто обожает, и, главное, это не мешает ей быть стройной красоткой с обалденной фигурой. Мне бы так...

Опять раздался звонок будильника. Я снова отложила на пять минут момент принятия решения, ехать мне на учебу или нет.

Меня посетила странная мысль: а вдруг это был вещий сон, и сегодня на лекции со мной такое произойдет? Я стала размышлять, случись такое на самом деле, как бы я поступила? Ничего не придумывалось. Убежать вряд ли получилось бы, спрятаться тем более. Оставалось поступить так же, как во сне, или виновато оправдываться, что я тут совершенно ни при чем, вредную еду я не люблю, и вообще, это все какая-то ошибка. Наверное, так.

Что за странная идея, в конце-то концов?! «Соберись, – сказала я сама себе раздраженно, – хватит себя жалеть. Встала и пошла в универ!»

Я отключила будильник раньше, чем он зазвонил, заставила себя сесть на постели и, решив, что обратной дороги нет, пошла умываться. В общем, кое-как собралась.

Пока я ехала на занятия, зажатая со всех сторон в плотно забитом вагоне метро, снова появилось время поразмышлять. Итак, мне не нравится, как я выгляжу, но во сне я выглядела в пятьсот, нет, в тысячу раз хуже. Что ж, оказывается, у меня все более-менее неплохо, если вдуматься, но...

Но вот если бы в один миг я вдруг стала стройной без диет и изматывающих упражнений, как бы я выглядела?

Я представила себя вновь в аудитории университета. Как я захожу в помещение: стройная, в простой, но очень милой одежде – джинсы, кеды, джемпер, все мне очень идет и подчеркивает достоинства фигуры. Волосы окрашены в приятный блонд и собраны в небрежный узел. Даже глаза ярко-голубые, а не блеклые, как обычно. Что это, цветные линзы? Неважно! Я люблю той девушкой, какой я могла бы быть. И вот все взгляды студентов в аудитории обращаются ко мне. И что же?!

Мне опять захотелось провалиться, исчезнуть или стать прозрачной. Да что же это такое-то?! Ведь красиво же все?! Ничего не понимаю.

У меня не было времени дальше анализировать – надо было пробиваться к выходу, скоро моя станция.

Ленка ждала меня у входа в университет. Она переминалась с ноги на ногу – то ли от холода, то ли от неловкости из-за произошедшего накануне. Когда я подошла, лицо ее напоминало мордочку нашкодившего щенка: испуганно-виноватые глаза, взгляд исподлобья. Этот вид в сочетании с красивыми чертами ее лица и каштановыми кудряшками, выбивающимися из-под шапки, не мог вызвать ничего, кроме умиления.

– Я это... – подруга явно собралась выдать заготовленную тираду извинений.

– Ладно, пойдем, – улыбнулась я, взяла Лену под руку, и мы пошли к дверям главного здания вуза. Она выдохнула с облегчением и расправила плечи.

Мы не знали, о чем разговаривать, поэтому первое время шли молча. После того как сдали вещи в гардероб, Лена спросила, как я доехала.

– Нормально, – ответила я. – Как селедка в бочке, естественно. Зато было время подумать о всяком разном.

– Чего надумала? – спросила Лена.

– Мне надо заняться собой.

– В принципе, сейчас не это главное, но идея неплохая, – ответила Лена.

Я здорово удивилась столь дипломатичной формулировке. Ожидала очередную шуточку, но, по всей видимости, подруга все-таки сделала выводы. «Это очень хорошо», – подумала я, но вслух ничего не сказала. Мы разошлись по своим аудиториям, и все вернулось на круги своя.

Отец позвонил неожиданно.

Меня всегда немного раздражали его звонки, потому что обычно он читал нравоучения, объяснял, как мне надо жить, и это притом, что я его давно уже не интересовала. Иногда мне казалось, что он предпочел бы, чтобы я не появилась на свет вообще.

– София, здравствуй, – сказал отец ровным голосом. – Как твои дела?

– Спасибо, нормально, – ответила я вежливо, хотя в душе все кипело: «Какое, к черту, нормально?!»

– Ты сдала сессию?

– Да, сдала.

– Честно? Оценки нормальные?

– Это все, что тебя интересует?! – с досадой спросила я, слезы навернулись на глаза, а голос начал дрожать.

– Меня интересует твое будущее! Хорошее образование – залог нормальной, обеспеченной жизни, я тебе сто раз говорил! – вспыхнул он.

– Мне вообще-то плохо! Я прошла тест в интернете, и он показал, что у меня все признаки серьезной депрессии! А я при всем при этом хожу на учебу – на бюджет, между прочим, поступила, несмотря ни на что, – и веду хозяйство: сама покупаю продукты, готовлю! Ты думаешь, мне легко жить без мамы?!

– Депрессию придумали лентяи, чтобы на законном основании ничего не делать! – каждое слово отца было словно гвоздь, вбитый в мое сердце.

– То есть я должна любой ценой получить это дурацкое образование, костыли лечь, наплевав на самочувствие и боль, чтобы поскорее пойти работать и перестать быть для тебя обузой, так?!

– Это здесь при чем?! – он перешел на крик.

– А притом что ЭТА наверняка ждет не дождется, когда ты перестанешь мне помогать деньгами!

– Яна никогда не вмешивается в мои дела!!! – проорал отец.

– Папа, я тебе дочь или не дочь, в конце-то концов?!

Отец резко замолчал. Эмоции мои бурлили, и я почувствовала, как сжалось сердце, стало трудно дышать, ком поднялся к горлу – я начала всхлипывать и разрыдалась, тут же отключив телефон, не в силах продолжать разговор.

Я легла на диван, уткнулась в подушку и горько плакала. Через несколько минут пришло сообщение в мессенджере. Я безучастно взяла телефон, разблокировала экран и прочла: «Ты мне дочь».

Да что же это такое?! Уже середина февраля, а он вдруг вспомнил про сессию! Еще и не верит, что я все сдала. Знал бы он, каких усилий мне стоит каждый день заставлять себя идти на занятия, когда совершенно нет энергии и хочется целый день лежать, глядя в потолок! Ничего он не хочет знать. Он бросил меня, я ему не нужна!

Слезы все катились и катились по моим щекам...

Глава 4. Что-то поменялось...

Тревожная тишина. Я иду по темному каменному лабиринту, постоянно натыкаясь на препятствия-перегородки. Света так мало, что у меня нет никаких шансов увидеть хотя бы ближайший поворот. Я то и дело ударяюсь плечом, а иногда и лбом о стены. Это ужасно пугает, и мне больно, в конце-то концов! Может быть, это вообще замкнутое пространство? Вроде бы нет: мне удастся постепенно продвигаться малюсенькими шажочками, но куда? Совершенно непонятно, где я и что все это значит.

После бесконечного, как мне показалось, топтания практически на месте, но все же немного продвинувшись, я ощущаю босыми ногами, что гладкий пол постепенно становится все более неровным, каменистым. Я скольжу руками по каменным стенам лабиринта и вдруг понимаю, что выбралась: стена под пальцами резко оборвалась, и вокруг стало просторно. Вот уж не думала, что окажусь именно здесь, в «родной» пещере. Легкая улыбка скользнула по моим губам, а сердце забилося чаще от предвкушения встречи с райским уголком моей души. Надеюсь только, что стены за поворотом не будет. Но, судя по освещению и звукам падающей воды, все хорошо.

Проделав привычный путь, я поворачиваю за угол, и меня переполняет радость: лучи яркого солнца переливаются радугой в струях водопада, а за ним меня ждет нереальная красота и безмятежность. Ура!

В этот раз я не отказываю себе в удовольствии поплавать в море. Не снимая платья, вхожу в теплую воду – сначала по колено, потом по пояс, а потом, оттолкнувшись ступнями от дна, плыву по волнам, куда глаза глядят, любуюсь горами, окружающими залив. Наплававшись вволю, я выхожу на берег и не спеша иду по мокрому песку вдоль кромки воды по направлению к дому. Одежда высыхает очень быстро.

Пройдя по просторному холлу первого этажа, я прислушиваюсь: все тихо в доме, лишь слышно шум прибора. Вдохнув с облегчением, я поднимаюсь на второй этаж, поворачиваю налево и нетерпеливо поворачиваю ручку ближайшей двери. Вопреки ожиданиям, она открывается! Господи, хорошо-то как!

Войдя в комнату, я удивляюсь еще больше, ведь она мне идеально подходит! Вплоть до того, что здесь стоит мой любимый диван. Но это единственный привычный предмет, остальное – новое, незнакомое, но почему-то очень родное.

Я жадно осматриваю комнату, потому что абсолютно все мне в ней нравится. Удобный письменный стол, огромное количество книг в больших шкафах, постеры на стенах, уютное кресло, сидя в котором и завернувшись в плед, я буду пить кофе и читать очередной томик моего любимого автора. Но больше всего меня почему-то умиляет тюль из бледно-голубой органзы, который колыхнется от дуновения легкого ветерка, проникающего через открытое окно. Я перешагиваю порог комнаты и наслаждаюсь каждым элементом ее убранства, впитываю все, что здесь есть, соединяюсь, растворяюсь в этой атмосфере. Здесь невероятно комфортно. Моя бы воля, осталась бы здесь навсегда. Радует одно – это управляемое мной сновидение, и, по идее, я смогу сюда возвращаться. Очень на это надеюсь! Кстати, из этой комнаты можно попасть в просторную ванную, очень светлую, выполненную в современном стиле, который мне тоже очень близок по духу. Лежа в ванне, можно будет любоваться роскошным видом на горы. Хотела бы я сказать, что всю жизнь о таком мечтала. Но это неправда. Даже помыслить не могла! Впрочем, это по-прежнему лишь только сон. Но какой же прекрасный! Еще раз окинув взглядом свою комнату, я беру с полки первую попавшуюся книгу, плюхаюсь в кресло и с упоением читаю. Вот только смысл не улавливаю. Буквы расплываются, строчки извиваются, как шустрые змейки, свет как будто гаснет. Пустота...

Я проснулась на своем любимом диванчике в своей не очень любимой комнате и с тоской ощутила, как сжалось сердце и навернулись слезы от мысли об утраченном рае. Как же это все-таки несправедливо, что в идеальном мире нельзя оставаться сколько захочешь. Прямо жить не хотелось при этой мысли.

Но надо дышать и двигаться дальше. Жизнь от меня требует слишком много, как мне кажется. И мне приходится этому следовать, как и миллионам других таких же несчастных людей. Дом – работа, или, в моем случае, это пока что учеба, работа – дом. Так и проходит наискуднейшее существование в этом мире. А смысл-то в чем?!

– Вставайте, граф... Вас ждут великие дела, – сказала я вслух и заставила себя сесть на постели.

Как и ожидалось, мои серые будни оставались скучными и унылыми. Впрочем, их иногда разбавляли сны о жизни в идеальной комнате в совершенном мире. Если раньше я боялась засыпать, то теперь с нетерпением ждала ночи, каждый раз надеясь попасть в моем сновидении именно туда. Самое интересное, что я уже не обращала внимания ни на море, ни на горы, ни на солнце, а сразу бежала в заветную комнату. Или просто появлялась именно в ней. Этакое добровольное затворничество в собственном сне... Там я читала, лежала в ванне, пила кофе, рисовала и даже дремала. Возвращение в реальность всякий раз причиняло боль, которую я ощущала всем телом.

А вот в моей реальной жизни ничего не менялось. Иногда мы гуляли с Леной. Она вела со мной душещипательные беседы, но я снова закрывалась и слушала ее советы вполуха. Несколько раз звонил отец: так... разговоры ни о чем. Мне даже показалось в какой-то момент, что он хотел извиниться, но этого не произошло. Наверное, и правда, показалось.

И вот однажды в поисках чистой тетради в ящике письменного стола я случайно нашла семейное фото, сделанное в парке аттракционов: на фотографии мне лет десять, мама крепко прижимает меня к себе, а папа стоит в шаге от нас, и совершенно непонятно, как он к нам относится. Как по мне, он кажется несколько отстраненным. Что у него на уме? А мама, что мама? Такое ощущение, что она пытается защитить меня от всего мира, загородить, спрятать. А еще – как будто в этом объятии она ищет опору для себя...

Стоп! Что за странные мысли? Это просто семейное фото. Это был замечательный августовский день. Мы катались на колесе обозрения, на машинках, на чем-то еще, а потом ели вкусный шашлык в кафе. Просто фото. Но какая же тоска в груди... И ком подступил к горлу.

Я поскорее спрятала фотографию между томами на книжной полке, как будто это могло избавить меня от этого мимолетного воспоминания. Мне не хотелось думать о прошлом. Даже о том, что было хорошего. Потому что память потом «заботливо» подкидывала дальнейшее развитие событий: папа ушел из семьи, бросил нас, мама заболела и... Я сделала глубокий вдох, затем выдох... Мне не хотелось снова плакать. Я сосредоточилась на поиске тетради и выполнении домашнего задания. Засиделась я допоздна.

В этот раз я замечаю облака в небе над морем, а упругие струи водопада мне кажутся холоднее, чем обычно. Я иду от пещеры привычным маршрутом по направлению к особняку. Ветер очень сильный, хоть и теплый. Он быстро высушивает мою одежду, как будто феном. Может быть, из-за ветра, облаков на горизонте становится все больше. Или это тучи? Ох, не нравятся мне неконтролируемые перемены в моем королевстве.

Прохожу по мощеной дорожке, закрываю за собой входную дверь, и замираю на пороге. Что-то неуловимо изменилось, но что, я пока не понимаю. Подхожу к зеркалу, ощущая тревогу, но все как всегда. Захожу в гостиную. Все по-прежнему очень красиво: и мебель, и посуда, и статуэтки. Давно же я здесь не была, даже забыла детали. Я смотрю в окно: небо сплошь затянуто облаками, стало пасмурно и море немного волнуется. Совершенно не хочется выходить на террасу – пожалуй, пойду в спальню через холл. Так немного спокойнее, хотя...

В зеленой спальне тоже все хорошо, без каких-либо подвохов. Все на своих местах. Я снова удивляюсь, как этот вычурный стиль оказался в моем идеальном доме, пожимаю плечами и возвращаюсь в холл. Что ж, проверим танцевальный зал. Я осторожно приоткрываю дверь, просовываю только голову, чтобы быстро убежать, если что-то или кто-то там меня подстерегает, но все нормально, тихо. Я аккуратно закрываю дверь, зачем-то стараясь не шуметь, затем поднимаюсь по мраморной лестнице.

Подхожу к своей комнате. Она закрыта!

Как? Снова?! За что мне это? Что за наказание?

Отчаянно дергая ручку, я все еще надеюсь попасть внутрь, но ничего не получается.

Я отступаю на пару шагов назад, ощущаю, что уперлась спиной в перила, и осматриваю дверь. Мне хочется ее выломать и разнести в клочья!

Вдруг я замечаю, что дверь соседней комнаты, которая раньше была заперта, приоткрыта на пару сантиметров, и оттуда исходит холодноватое свечение.

Злость моя улетучивается и сменяется диким, каким-то животным страхом. Я и не хочу туда идти, и боюсь, но тело само, против моей воли, двигается в направлении этой новой комнаты. Каждый шаг дается максимально тяжело, как будто ноги превратились в бетонные сваи.

Шаг. Еще шаг. Незнестность парализует мысли и чувства, но я неумолимо приближаюсь к приоткрытой двери. Я стою напротив, вижу, как моя левая рука медленно поднимается, явно намереваясь толкнуть дверь. Я против! Я не готова! Я не хочу!

Но это происходит. Дверь медленно открывается, и я вижу...

Нет, этого не может быть! Там, посередине пустой белой комнаты, стоит моя мама. Очень худая и бледная: ключицы заостренно торчат между тонких бретелек длинной шелковой бежевой ночной сорочки. Она стоит неподвижно, руки безжизненно висят вдоль изможденного тела, лицо чуть опущено, глаза смотрят как будто сквозь пол. До смерти испугавшись, я делаю глубокий, затяжной вдох. Затем мама слегка поднимает лицо, и на меня смотрят ее полные горя и страданий глаза.

– А-а-а-а-а! – я в ужасе кричу, мчась по второму этажу, затем по лестнице вниз, и пулей вылетаю на крыльцо.

Ощущая порывы холодного ветра и хлещущие струи дождя и не обращая внимания на бурю и клочущее море, бегу что есть сил в сторону пещеры. Перед самым входом в нее оглядываюсь на мгновение – никого! Вбегаю в пещеру, еще больше промокнув под водопадом. Шумно дышу, сгибаясь почти пополам и одной рукой держась за стену, а другой – за левый бок, который пронзила сильная боль. Немного отдышавшись, аккуратно, стараясь не попасть опять под воду, вглядываюсь вдаль сквозь струи дождя. Никого. Слава богу, никого! Только холодно, безумно холодно. И внутри у меня все сжалось от ужаса.

Я сажусь на пол в глубине пещеры, облокотившись спиной о каменную стену, и почти с тоской вспоминаю то время, когда здесь была непроницаемая стеклянная преграда. Закрываю глаза, наполнившиеся слезами...

Проснулась я в ледяном поту. Меня колотил озноб – не знаю, от холода или страха. Я села на кровати, укуталась в одеяло, обхватила колени и в каком-то приступе временного помешательства, раскачиваясь вперед-назад, повторяла:

– Это не моя мама, это не моя мама, это не моя мама... Я не знаю, кто это, но это не моя мама, это не моя мама...

Неизвестно, сколько я так просидела, но сознание вдруг прояснилось. Я посмотрела по сторонам, поняла, что уже пора вставать, чтобы успеть на учебу. Увиденный во сне образ периодически всплывал в памяти в течение дня, и мне вновь становилось до жути страшно. Я гнала от себя эти мысли, старалась отвлечься. Большую часть времени получалось. Но, придя домой вечером, я с ужасом поняла, что ночью придется снова лечь спать.

Я поужинала, сделала домашку, посмотрела сериал до полуночи. Если бы меня спросили, о чем был фильм, я не смогла бы ответить: меня не покидала мысль о том, что это все снова может мне присниться. Я уговаривала себя, что это мой выдуманный мир, и там мои правила. Но, помня о многочисленных повторах пугающих снов о стеклянной стене в пещере, я теряла самообладание. Мне пришлось с досадой признать, что кошмары вернулись в мою жизнь.

Я намеревалась лежать до утра в постели, чтобы хоть немного отдохнуть, твердо решив не засыпать ни в коем случае и не выключать свет. Я вздрагивала, когда веки тяжелели, спохватывалась, тут же раскрывала глаза пошире и старалась сконцентрировать внимание на каком-нибудь предмете в комнате. Часа в два ночи меня посетила мысль, что можно почитать интересную книгу. Сколько ночей я так скоротала в свое время... Не замечала, как наступало утро, так сильно увлекалась сюжетом. В этот раз выбрать книгу оказалось сложнее, чем я предполагала. Остановилась на детективе любимой писательницы, хоть я и читала его раньше, но все-таки давно. Я уселась поудобнее в кресле, укрыла ноги пледом и погрузилась в чтение. Поначалу все было просто отлично. Я подзабыла первые главы, но потом, по ассоциации, начала вспоминать продолжение. Читала-читала и задремала.

Сначала было темно, а потом вдруг яркой вспышкой, как иногда показывают в художественных фильмах снятое только что фото, промелькнул образ побережья в моем идеальном мире. Там было светло и спокойно, шторм стих, но я резко открыла глаза и вскочила на ноги, тяжело дыша от сильного испуга. Соскользнувший плед смягчил падение книги, и теперь она, раскрытая, лежала на полу, как бы упрекая меня в том, что я уснула, пренебрегла интересным сюжетом. Я и сама себя упрекала.

Глава 5. Друг познается...

Часы показывали половину третьего. Лену я сегодня не видела в универе, и у меня не было возможности поделиться с ней своими проблемами. Собственно говоря, я их здорово недооценила.

Поколебавшись несколько минут, я решила набрать подруге. Долгие гудки сводили меня с ума. А вдруг у нее отключен звук? А вдруг она не захочет со мной говорить в такое время?

Но Лена взяла трубку. Что-то шуршало в микрофоне, как будто она ловила выскальзывающий из рук телефон.

– Алло, Леночка, – дрожащим голосом сказала я. – Ты не спишь? – несомненно, глупый вопрос в такое время.

– Не сплю... – заплетающийся язык и медленная речь, конечно, говорили об обратном.

– Лен, ты прости меня, пожалуйста, у меня беда...

– Что случилось?! – было понятно, что подруга подскочила на кровати, вмиг проснувшись. – Ты в больнице? Ты пострадала? Что-то с отцом?

– Ой, я не так выразилась. Проблема у меня серьезная, но не настолько. Прости, – прошептала я, начиная всхлипывать.

– Мать! Ты меня так не пугай больше, ладно? Но я поняла, что что-то серьезное. Бить не буду. В этот раз.

При этих ее словах я улыбнулась сквозь слезы.

– Спасибо, – прошептала я.

– Таки шо там у тебя? – бодро спросила она.

– Меня снова мучают кошмары. Такая жуть, что я боюсь заснуть, лишь бы не увидеть снова, – пожаловалась я.

– Поделишься? – неуверенным голосом спросила Лена.

– Нет, не смогу, язык не повернется, – вздохнула я.

– Так. Мне надо подумать, чем я могу помочь тебе прямо сейчас. Приехать к тебе? – суетливо затараторила Лена.

– Нет, что ты! Я буду волноваться, как ты доедешь в такое время. Ночь на дворе! – воскликнула я.

– Да я на такси...

– Нет! Точно не надо! Может быть, завтра у меня переночуешь? – робко предложила я.

– Хороший вариант. Тогда думаем, как поступить сейчас. Попробуй делать глубокие вдохи и медленные выдохи, – предложила подруга.

– Хорошо.

И я начала громко дышать, чтобы Лена слышала, что я следую ее советам, и совсем не зря ее разбудила. На самом деле, мне было ужасно стыдно, что я ее потревожила. Подышав так какое-то время, я решила уточнить, сколько еще дышать, и какой должен быть эффект.

– Насыщение крови кислородом, спокойствие. И мне нужно было время подумать, а ты вроде как при деле и не отвлекаешь, – прямолинейно ответила Лена.

Видимо, я, и правда, успокоилась, ведь ее слова мне не показались обидными.

– Есть идеи? – робко поинтересовалась я.

– Да. Завтра я подойду к преподавателю психологии Ольге Петровне, попрошу взять тебя на консультацию. Думаю, она сможет тебе помочь. Сама я с этим, очевидно, не справлюсь.

– Это психологиня, у которой ты боялась получить двойку за экзамен? – уточнила я.

– Да... Но там все нормально оказалось. Пятерку она мне поставила. Адекватная... – с ноткой радости в голосе ответила Лена.

– Что ж... Звучит неплохо. Пойдем к адекватной психологине, – я даже улыбнулась этим своим словам.

– У тебя дома есть успокоительные? Хотя бы валерьянка? – спросила Лена.

– Что-то было, сейчас поищу.

– Давай, прими обязательно, – серьезно сказала она.

– И что мне делать дальше? – на меня вновь накатила страх, ведь до утра было еще далеко.

– Жить, дышать, – бодро ответила Лена. – Что такого может случиться с тобой *здесь*, если ты снова увидишь это *там*?

– Так-то особо ничего. Испуг, страх. Понимаешь, мне не нравится, что мой идеальный мир стал неуправляемым. Я не могу просто взять и проснуться *до* страшного момента. Там прямо с самого начала было понятно, что что-то пойдет не так. И все равно я туда поперлась. Вот надо оно мне было очень! – Я сердилась на себя.

– Ну, подсознание, оно такое. Ведет куда вздумается. А вот если порассуждать логически, как тебе эта встряска помогла? – голос Лены звучал очень уверенно.

– Во-первых, мы сейчас с тобой разговариваем о моих проблемах, и, знаешь, мне становится легче. Ужасно стыдно, что в такое позднее время, но все-таки. Понимаешь, я устала. Это стоячее болото в моей голове никуда не девается. Когда делюсь с тобой, хоть какая-то надежда начинает маячить на горизонте, – сказав это, я тяжело вздохнула.

– Так... Уже неплохо. Может быть, еще какой-нибудь плюс есть во всем этом? – спросила Лена.

– Да наверняка есть. Только я его не вижу, – я искала ответы, но их не было.

– Вот смотри, мы тогда проработали немного твои сны, и там прямо наладилось все. Поспокойнее тебе стало, но дальше ты в проработки не пошла, завязла в иллюзии спокойствия. Но главная-то твоя проблема пока что остается с тобой. Даже не проблема. Драма... – Лена вздохнула.

– Тут ты, конечно, права. Ты хочешь сказать, что этот кошмар поможет мне выбраться из болота? – предположила я.

– А ты сама как думаешь? – спросила подруга.

– Думаю, что ты классный психолог, – ответила я.

– Та-ак, обнаружен подхалимаж восьмидесятого уровня! Но мне нравится. Спасибо за добрые слова, – то, что Ленка расплылась в улыбке, было слышно невооруженным ухом.

– Давай спать, – предложила я.

– Отдыхай, – ответила Лена. – Спокойной ночи.

– Для меня это, конечно, просто фигура речи сейчас, но тебе я точно желаю хорошенько выспаться. Пока, – я завершила звонок и пошла принимать успокоительное.

Все-таки как же мне повезло с подругой!

Я долго ворочалась, потом задремала. Бессвязная череда образов в моем сне перемежалась картинками учебных будней: преподаватели, студенты, пары. Ничего такого, что смутило бы мой разум. В общем, вопреки ожиданиям я даже немного поспала, правда, совсем чуть-чуть и уже ближе к утру.

Радуюсь, что время сна закончилось, а мое королевство хотя бы на время оставило меня в покое, я встала почти что бодро и пошла на кухню варить кофе. В душ я схожу потом.

В университете Ленка разыскала меня на перемене и сказала, что нам пора подойти к психологине, она договорилась. Я немного волновалась, но видела в этом хоть какой-то выход, поэтому собрала волю в кулак и пошла следом за подругой.

В аудитории уже рассаживались студенты. Лена представила меня Ольге Петровне.

Преподавательница произвела на меня приятное впечатление. Ее мягкие черты лица, большие карие глаза, располагали и вызвали доверие. Блестящие, шоколадного цвета волосы,

симпатичный деловой костюм – все в этой женщине мне понравилось, и особенно доброта и умиротворяющее спокойствие ее голоса.

– София, приятно с тобой познакомиться, – сказала Ольга Петровна.

– Мне тоже, – робко ответила я.

– Мне Лена немного обрисовала твою ситуацию. Видишь ли, я сейчас не беру новых клиентов на сессии – очень загружена в университете, и другие есть причины. – При этих словах я приуныла, и это мгновенно отразилось на моем лице. – Я вижу, ты расстроилась. Мне жаль, но вот такая ситуация у меня сейчас. Я могу порекомендовать тебе обратиться к моей подруге Анне Владимировне. Она очень деликатный и талантливый специалист. Сессии у нее платные.

– Я найду деньги, – бодро сказала я, а в глубине души ужаснулась. Об оплате за сеансы я как-то не подумала.

– Это очень хорошо. Запиши телефон, скажешь, что от меня. Я предупрежу Анну Владимировну, – сказала Ольга Петровна.

– Спасибо вам большое...

– Надеюсь, что у вас все сложится, – улыбнулась преподавательница. – Всего хорошего.

Попрощавшись с ней, мы с Леной вышли из кабинета. По моему грустному лицу, она догадалась, о чем я сокрушаюсь.

– Тебе нечем платить, да?

– Не то чтобы совсем нечем. Но я боюсь, что тогда мне будет нечего есть...

– Так себе выбор, – посочувствовала Лена. – Может, попросишь у папы? Речь ведь о твоём ментальном здоровье.

– Не думаю, что это хорошая идея. Там есть на кого тратить деньги...

– Ты все-таки подумай, хорошо? – Лена явно хотела, чтобы я поскорее попала к хорошему специалисту.

– Я что-нибудь придумаю, – уверенно сказала я.

«Так. Деньги, деньги, где взять деньги?» – думала я каждую свободную минуту.

В конце концов, скоро мой день рождения. Мне уже несколько лет переводят на карту «подарки» дедушка с бабушкой и отец. Но ждать я не могу, это все равно долго. Эх, ладно. Оплачу первый сеанс, а там посмотрим.

Я внесла номер психолога в контакты телефона и увидела, что ей можно написать в мессенджере. Звонить было ужасно неловко. Набравшись смелости, я напечатала: «Здравствуйте, Анна Владимировна. Меня зовут София. Ваш телефон мне дала Ольга Петровна. Я бы хотела записаться на сеанс», – и, зажмурившись, нажала кнопку «отправить». Галочка «сообщение не прочитано» какое-то время оставалась бледной, а потом поменяла цвет на голубой. Затаив дыхание, я ждала, что ответит психолог.

«Здравствуйте, София. Ольга Петровна предупредила меня о вас. Могу предложить сессию завтра в 16:00. Вам удобно?» Решив, что ничего страшного не произойдет, если уйду с последней пары, я ответила «да». Затем Анна Владимировна написала адрес и стоимость сеанса. Пожалуй, цена была ниже, чем я ожидала, но все еще не очень-то мне по карману.

Завершив беседу, я почувствовала некоторое облегчение. Все складывалось неплохо. Тревожность ушла, и в области сердца стало тепло – надежда согревала меня.

Вечером приехала Ленка – мама отпустила ее ко мне без вопросов. Мы договорились не обсуждать мои сновидения и страхи. И, хотя беседа периодически стремилась тяжелым шаром по наклонной плоскости скатиться к этой неприятной теме, мы вовремя спохватывались и

начинали дурачиться или выбирать, какой сериал посмотреть. В общем, мы старались быть максимально веселыми, несмотря ни на что.

Засиделись мы допоздна. А потом наступил момент икс – время ложиться спать. Вот тут меня и накрыло. Я стала задыхаться, скукожилась на диване, лежа на боку, и совершенно не понимала, что происходит. С каждой минутой страх сковывал меня все сильнее, казалось, что я сейчас умру, сердце бешено колотилось, я как рыба на суше хватала ртом воздух. Глаза подружки расширились от ужаса. Она трясла меня за плечо, наклонившись надо мной и заглядывая в лицо. А меня знобило, голова кружилась, и тошнота подкатывала к горлу. Казалось, этот кошмар никогда не закончится.

– Я поняла! – воскликнула Лена. – Это паническая атака!

Она стала заботливо поглаживать меня по плечу.

– Сонечка, ты только не волнуйся, старайся вдыхать на четыре счета и выдыхать на четыре счета. Я сбегая за пакетом. Я мигом!

Она принесла с кухни пакет и велела дышать в него, как в кино иногда делают. И теперь мы знали зачем, ведь постепенно мне становилось лучше. Я смогла поменять позу на более удобную и даже разговаривать. Потихоньку я пришла в себя, отложила пакет в сторону и в отчаянии посмотрела на Лену.

– Боже мой! Что это было?! – спросила я у нее.

– Я же говорю, паническая атака. Ты на стрессе все время, а теперь вот еще со сном у тебя плохие ассоциации, вот и накрыло, – объяснила Лена.

– Как же страшно-то! – я закуталась в одеяло.

– Я тоже сначала перепугалась, думала, приступ эпилепсии или еще что. Вообще, панические атаки не приводят к летальным исходам, хотя во время нее часто кажется, что умираешь.

– Да! Да! Я была уверена, что вот-вот умру! – подтвердила я.

– Этого точно не могло случиться, но пережить такое – врагу не пожелаешь, конечно. Ты как сейчас? – Лена погладила меня по плечу.

– Получше уже. Но думать о том, что надо ложиться спать, стало еще страшнее... – У меня внутри все сжалось при этой мысли.

Лена прижала меня к себе и погладила по голове.

– Бедная моя девочка. Хоть бы скорее все наладилось. – Лена тихонько заплакала.

Мне тоже стало себя жалко, и слезы потекли по щекам. Так мы просидели какое-то время. Каждая думала о своем. Я, например, пыталась понять, как мне решиться закрыть глаза, как не сойти с ума и когда же закончатся мои злключения.

– Значит, так, – деловито сказала Лена, когда чувство жалости иссякло, видимо, испарившись вместе со слезами, – тебе надо сменить обстановку. Давай-ка слезай с любимого диванчика и пойдем в гостиную.

– Ну, хорошо. Если ты считаешь, что это поможет...

Я собрала постельное белье и, с грустью обернувшись на удобный диван, поплелась в другую комнату под предводительством моей уверенной и бодрой подружки.

В гостиной я постелила на диване, который, к сожалению, не раскладывался, и места для двоих там не было.

– Так, Лена, – решительно сказала я. – Ты гость, и я должна уступить тебе свое место. Ты же не уйдешь спать в мою комнату, правда же?

– Нет, конечно! И свет выключать не будем, – эти слова подружки меня немного успокоили.

– Вот и хорошо. А я как-нибудь в кресле подремлю. Вот и будет смена обстановки.

Я принесла пару стульев с кухни и поставила их себе под ноги и спину как продолжение кресла. Выглядело неплохо, особенно когда я накрыла это все пуховым одеялом вместо матраса. Кое-как устроившись и даже, можно сказать, радуясь, что спать здесь не слишком удобно,

я решилась закрыть глаза. К счастью, паническая атака не повторилась. Оставалось пройти испытание моим «идеальным» миром.

Мысленно я горячо молилась, чтобы общение с пугающими образами миновало меня хотя бы сегодня. Ведь свою «порцию» ужаса я уже получила.

Все прошло неплохо. Я дремала, периодически проваливаясь в черноту глубокого сна без сновидений. Потом опять выплывала на поверхность, лежала с закрытыми глазами, слушала, как дышит во сне подруга. И так по кругу.

Резкий звук будильника выдернул меня из фазы глубокого сна. Я вздрогнула и нажала кнопку на экране телефона, чтобы отложить следующий сигнал. С трудом открыв глаза, когда будильник зазвонил повторно, я отключила его и приложила усилие, чтобы встать. Отодвинув стулья, я потянулась, сидя в кресле. Тело неприятно ныло в нескольких местах, как от растяжения. Я посмотрела, как сладко спит Лена, несмотря на все попытки моего будильника вернуть ее из объятий Морфея. Просто умиление. Но нам надо было вставать и собираться в университет.

Когда мы чистили зубы, стоя у раковины в тесной ванной, я спросила:

– Лен, откуда ты знала, что надо сменить обстановку, чтобы избежать панической атаки?

Лена замерла на секунду, остановив движение щеткой, быстро прополоскала рот и суетливо вышла из ванной, потом обернулась на секунду, направила в сторону кухни и сказала:

– Я тебе как-нибудь потом расскажу. Давай скорее собираться, а то опоздаем!

Мне показалось все это немного странным, но это же Ленка! Она всегда непредсказуемая и взбалмошная.

Обнявшись на прощание в холле универа, мы разошлись по своим аудиториям.

Глава 6. Психолог?

Чтобы вовремя быть на сеансе у психолога, я, как и планировала, отпросилась с последней пары. На подходе к небольшому бизнес-центру, где Анна Владимировна вела прием, мне стало несколько тревожно, но решимость найти выход из лабиринта, который не отпускал меня все это время, не позволила свернуть с выбранного пути.

Холл. Лифт. Пятый этаж. Анна Владимировна ждала меня на площадке у дверей лифта. Симпатичная женщина с серыми глазами и темными волосами до плеч, лет тридцати пяти, невысокая, стройная, очень приветливая, провела меня в свой кабинет. Помещение было небольшое, но очень уютное и, можно сказать, стильно оформленное. Я с интересом разглядывала картины на стенах, шторы и мебель.

– Да, мне важно, чтобы было красиво, – улыбнулась Анна Владимировна, увидев мою заинтересованность. – Располагайтесь, – она указала на одно из кресел, а сама села напротив.

– Спасибо, – сказала я, присаживаясь.

– Можно я буду обращаться на «ты»? – уточнила психолог.

– Конечно. – Я пожала плечами.

– Если удобно, можешь называть меня без отчества, просто Анной. И опять же, если комфортно, тоже можно на «ты».

Я помотала головой. Сидя на краешке кресла, напряженная оттого, что надо будет говорить о себе, о своих проблемах, я смотрела немного исподлобья, ожидая начала сеанса, как экзекуции. Психолог, увидев это, произнесла:

– София, ты пока расслабься, я не буду сразу задавать вопросы, расскажу о себе и о плане нашей работы.

Эти слова возымели волшебное действие. Я выдохнула, опустила плечи и облокотилась на спинку удобного кресла, но внутреннее напряжение все еще оставалось.

– Смотри, по образованию я психолог, – произнесла Анна Владимировна. – И по секрету тебе скажу, я не просто так пришла в эту профессию. Чаще всего люди изучают психологию, чтобы решить свои собственные проблемы, а уже потом, освоив различные приемы и навыки, идут помогать людям. Конечно же, в любом случае это их призвание, и они подсознательно тянутся к этому.

Я с пониманием кивнула, а она продолжила:

– Примерно полгода назад я обучилась одной методике. Она относительно недавно пришла в нашу страну, называется тета-хилинг², или тета-исцеление. Я начала применять ее в своей практике, и вижу отличные результаты у клиентов. Эта методика отличается от классической психологии. Здесь в очень большой степени задействована интуиция того, кто ведет сессию, и самого клиента, и здесь очень много осознанной работы человека. Я помогаю выявить глубинные установки подсознания, вспомнить конкретные травмирующие ситуации, которые влияют на душевное состояние – мешают жить.

– Я думала, что буду лежать на кушетке и рассказывать, – озадаченно сказала я.

Почему-то все эти объяснения вызвали у меня легкое раздражение. Наверное, потому что они не вносили ясность, а, скорее, наоборот, нагоняли тумана, как мне показалось.

– Ну, этот стереотип из фильмов многих сбивает с толку. Такой способ ведения сессии используют психоаналитики и психологи некоторых направлений. В моем сеансе главное, чтобы человеку было комфортно во всех отношениях: комфортно сидеть, можно и лежать, в принципе. Иногда надо будет вставать, чтобы сделать мускульный тест.

² Тета-хилинг (ThetaHealing ® – всемирно известная техника медитации и духовная философия, основанная Вианной Стайбл. Техника тета-хилинг помогает вам улучшить свой разум, тело и дух, соединяясь с Создателем Всего Сущего.

Я с ужасом представила, что меня заставят отжиматься, чтобы понять, насколько выносливы мои мускулы. А ведь они у меня по консистенции примерно как фруктовое желе.

Заметив мое смущение, Анна Владимировна поспешила меня успокоить:

– Не переживай, речь идет не о физических упражнениях, – она улыбнулась. – В процессе работы мы будем находить негативные установки подсознания. Чтобы убедиться в их наличии, а после сеанса – в том, что их больше нет, ты встанешь вот так, – она поднялась, повернулась ко мне боком. – Колени мягкие, руки расслаблены. Закрываешь глаза, делаешь спокойный вдох, медленный выдох, чтобы убрать напряжение. Затем запускаем тест. Четко, вслух – это важно, именно вслух! – говоришь «да». И наблюдаешь ощущения в теле. При правильном запуске теста, тебя качнет вперед, и движение начнется от стоп, ты почувствуешь. Не усилием воли себя качаешь, а ждешь отклик тела. Далее говоришь «нет», и тебя должно качнуть назад. Если происходит иначе, то надо просто попить воды или поставить руки на область почек и представить, как почки наполняются водой. Потом мы говорим что-то простое и непререкаемое, очевидное для подсознания, например: «Меня зовут София», – должно качнуть вперед. «Меня зовут Евгения», – тебя качнет назад. Амплитуда неважна, главное это ощущение в теле. И ты точно не упадешь, – психолог снова улыбнулась. – А уже потом произносишь установку, которую мы откопали и чувствуешь, качает тебя вперед или назад. Ради этого тест и запускается. Бывает, что мы несколько связанных между собой установок подряд тестируем или уточняем формулировку. Поэтому глаза лучше не открывать сразу, а то придется перезапускать тест.

Я смотрела на нее по-прежнему настороженно. Мне казалось, что я не осилю все эти премудрости.

– Не волнуйся, я буду подсказывать на каждом этапе теста, пока ты не почувствуешь уверенность. Это намного проще, чем кажется на первый взгляд. Не в первой сессии и, может, даже не во второй, но довольно скоро ты будешь это делать на автопилоте. Важно понимать, что этот тест делается не для меня, а для тебя – чтобы ты сама увидела наличие или отсутствие убеждения.

Я немного успокоилась. Голос Анны Владимировны был очень мягким. В том, как она говорила, чувствовались доброта и забота. Потихоньку я начала проникаться к ней если не доверием, то симпатией, что ли.

Психолог снова села в кресло.

– Когда негативная установка найдена, мы смотрим, на каком уровне убеждений она находится. Всего таких уровней четыре, но в подробности сейчас я не буду вдаваться. Чаще всего на начальном этапе мы работаем с историями из детства – это базовый уровень – и с родовыми программами – это, соответственно, генетический уровень. Есть еще исторический – это коллективное сознание, то есть принятые в обществе установки – и уровень души – там живут самые давние твои убеждения.

Я тяжело вздохнула.

– Прости. Еще немного теории, иначе придется прерываться в процессе работы, – извиняющимся тоном сказала Анна Владимировна. – Опять же, не вдаваясь в подробности, расскажу, что мы делаем дальше. Я задаю вопросы, а тебе приходят ответы из глубины подсознания – для чего такая ситуация в твоей жизни, чему ты обучилась, какой опыт приобрела. Далее мы заменяем негативное убеждение на позитивное.

– Как это? – удивилась я.

– Как бы это объяснить... Здесь будет такое общее энергетическое поле, в котором легко приходят ответы. И ты, возможно, будешь чувствовать движение энергии в теле, когда будем выгружать и загружать установки, или видеть образы, или просто знать, что это происходит. У всех это проявляется по-разному. И вот так мы мгновенно заменяем одни убеждения на другие, и потом ты начинаешь замечать изменения в жизни. Скажу так: и телу, и подсознанию требуется некоторое время, чтобы перестроиться. Это как перевести рычагом рельсы – поезд

поедет по другому пути, но пейзаж за окном первое время будет привычным, а потом все больше будет отличаться.

– Звучит пока непонятно, но интересно, – задумчиво произнесла я.

– Важно, для меня по крайней мере, это, правда, очень важно, что все происходит с согласия человека. В этой методике не нарушается свобода воли. Если на мой вопрос ты ответишь «нет» – значит, нет. Я не буду уговаривать и переубеждать. И мы не работаем с запросом про другого человека. Например, если есть проблемы во взаимоотношениях, часто клиент говорит: «Поработайте с ним, чтобы он понял...» Но мы не можем заставить другого человека прийти на сессию и не можем воздействовать дистанционно. Это необходимо понимать.

– Угу, – кивнула я, втайне надеясь, что в процессе все прояснится.

– Ну и теперь мы переходим к запросу на сессию. Что такое запрос... Это тот результат, который ты хочешь получить в своей жизни после этой проработки. Запрос может быть из любой сферы: здоровье, отношения, финансы. Это я самые популярные называю.

– Я не знаю, какой у меня запрос, – растерялась я.

– Есть два пути это определить. Задай себе вопрос: «Что меня сейчас тревожит больше всего?» или «Если бы у меня была волшебная палочка, что бы я изменила в первую очередь?»

– Мои сны, – не задумываясь выпалила я.

– Вот с этого места поподробнее, пожалуйста, – сказала Анна и поудобнее устроилась в кресле.

И тут меня прорвало... Я все говорила и говорила про свои сновидения, про маму, про отца, про Левку и про ЭТУ. Не рассказала только про тот сон, где меня разнесло у всех на глазах. Сейчас это было неважно.

– И вчера вечером, когда надо было ложиться спать, у меня случилась паническая атака. Я так боялась опять увидеть ту комнату в доме, что начала задыхаться и дрожать, – закончила я свой рассказ, который иногда прерывался моими всхлипываниями, но в целом я даже удивилась, что не впала в истерику, пока излагала суть.

– Как ты справилась с панической атакой? – с сочувствием спросила Анна Владимировна.

– Мне помогла подруга. Слава богу, она была со мной! Лена учится на психолога. Она посоветовала мне подышать в пакет. А чтобы приступ не повторился, предложила сменить обстановку, лечь в другой комнате. И мне даже удалось немного поспать.

– Твоя подруга большая умничка, – с нескрываемым восхищением заметила психолог. – Так... суть проблемы мне в целом ясна. Какой ты хочешь получить результат? Давай сформулируем вместе.

– Ну, наверное, я бы хотела быть уверена, что больше не увижу ту ужасную комнату.

– Понятно. И если так будет, то что тогда? – уточнила Анна Владимировна.

– Тогда мне будет проще засыпать, не будет панических атак.

– Хорошо, и что тогда? – снова спросила психолог.

– Тогда... Тогда... Я буду жить спокойно.

– Давай возьмем это за основу. Запрос будет такой: в результате сессии я сплю хорошо, без пугающих сновидений, и живу спокойно. Так?

– Да! – воскликнула я. – Это именно то, чего я хочу.

– Вот и славно, – сказала Анна Владимировна. – Разрешите мне, пожалуйста, взять тебя за руки и просканировать твой запрос.

Психолог придвинула свое кресло, разместила на коленях небольшую диванную подушечку и положила руки ладонями вверх, ожидая, что я положу кисти рук сверху. Мне было немного не по себе.

– А это не гипноз? – опасливо спросила я.

– Не гипноз. Хотя в грамотном гипнозе и нет ничего плохого, если что, – ответила она. – Ты будешь в сознании, мы будем разговаривать в основном. Немного тестировать убеждения и смотреть мысленным взором, как меняются установки подсознания.

– Ну хорошо, – я расслабилась и немного наклонилась вперед. – Я готова.

– Закрывай глаза. Я, кстати, тоже буду в основном с закрытыми глазами. Так проще удерживать тета-состояние. Потом объясню, что это такое.

Я положила ладони поверх рук Анны Владимировны и почувствовала приятное, едва уловимое, тепло, поднимавшееся от кистей выше, а потом заполнившее все тело от макушки до стоп, и невольно улыбнулась, сидя с закрытыми глазами.

– Разреши просканировать твой запрос, – снова сказала психолог.

Я кивнула. Потом вспомнила, что, возможно, она не видит, и сказала вслух:

– Разрешаю.

К своему удивлению, я почувствовала, как тепло немного усилилось в районе макушки, волной прокатилось до кончиков пальцев ног и вернулось обратно в область головы, и потом эту волну я перестала ощущать. Это действительно напоминало луч света в сканере.

– Можно открыть глаза.

Услышав это, я так и сделала.

– Вижу у тебя очень большое напряжение в области диафрагмы, вот здесь, – Анна Владимировна положила себе ладонь на область солнечного сплетения. – Это от постоянного стресса. Диафрагма первая реагирует и сложно расслабляется. От этого также может быть затруднено дыхание. И еще в области сердца я увидела огромную тяжесть.

– Так и есть, – подтвердила я, ощущая в тот момент эту тяжесть особенно сильно.

– Разреши, я направлю тебе исцеление? – предложила Анна Владимировна.

– Да, – тихо сказала я.

– Смотри, моя задача вести тебя, задавая вопросы, и свидетельствовать исцеление и замену убеждений. Эффект наблюдателя в квантовой физике³. Но сейчас не об этом. Я хочу сказать, что в такие моменты, когда ты дала разрешение на исцеление, ты можешь закрывать глаза и тоже смотреть и ощущать, как это происходит. Давай так сделаем? Закрывай глаза.

– Хорошо, – кивнув, я так и сделала.

Я снова почувствовала волну энергии, прошедшую сверху в макушку головы и направившуюся в область сердца и солнечного сплетения. Кроме этого мне показалось, что я вижу эту волну в виде потока бело-розового перламутрового света. Приятное тепло как будто заполняло зияющую дыру внутри меня, и процесс длился какое-то время. Потом этот же свет заполнил все тело, и я услышала приглашение продолжить беседу и открыла глаза, будучи в некотором недоумении от того, что только что произошло.

– Что это было? – удивленно подняв брови, спросила я.

– Мы с тобой свидетельствовали процесс наполнения проблемных мест энергией безусловной любви, или энергией творения, божественной энергией – у нее много названий, но суть одна. Эта энергия не может навредить или что-то испортить. Я обращаюсь к ней также, когда сканирую ситуацию или тело человека, когда ищем ограничивающие убеждения, негативные установки. В общем, я только проводник этой энергии, а, на самом деле, это именно она помогает и исцеляет. Но говорить она не умеет. Поэтому те, кому нужна помощь, приходят к тем, кто может перевести на понятный язык и стать посредником между исцеляющей энергией творения и человеком. По-другому никак...

– Понятно, – медленно выговорила я, вовсе не будучи уверенной в этом.

³ Самый известный эксперимент квантовой физики с двумя щелями показал, что в зависимости от наличия или отсутствия наблюдателя свет может проявлять характеристики как классических волн, так и частиц.

– У тебя серьезная ситуация, поэтому эффект от такого исцеления может через какое-то время ослабнуть. Хотя бывает и по-другому, когда человек действительно готов исцелиться. Здесь не только про здоровье тела я говорю. Хорошая новость в том, что через замену негативных установок и проработки, ты со стопроцентной вероятностью изменишь свою жизнь к лучшему. Но, извини, я опять отвлеклась на теорию. Сейчас то исцеление, которое мы наблюдали, поможет в рассуждениях о сложных моментах твоей жизни, и воспоминания не будут такими болезненными.

Я кивнула. Все, что я услышала, обнадеживало и воодушевляло.

– И теперь я спрошу тебя, когда ты впервые почувствовала такую тяжесть на сердце и спазм диафрагмы, затруднение дыхания?

– Когда папа ушел от нас с мамой, – говоря это, я почувствовала тоску и печаль. – В тот день он вернулся с работы и сообщил, что у него другая женщина, которая ждет ребенка, и что он уходит к ней. Мой мир рухнул тогда. Мне казалось, что родители любят друг друга, что все хорошо. Хотя, если честно, я чувствовала какую-то холодность между ними, но старалась не замечать этого. Поэтому известие было более чем неожиданным.

– Когда это было? – спросила Анна Владимировна.

– Четыре года назад, – печально ответила я.

Вся картина предстала перед моим внутренним взором во всех подробностях, и мне стало очень грустно и жалко себя.

– Что ты почувствовала тогда, в тот день, когда папа это сказал?

– Боль утраты. Хм... Почувствовала, что меня бросили, что я не нужна, что я лишняя, – слезы катились по моим щекам, когда я говорила это.

После небольшой паузы я продолжила:

– Я почувствовала, что нас с мамой предали, что это все жутко несправедливо, и что никакого ребенка не должно быть, ведь у папы уже есть я! Вот что я почувствовала тогда! И было жалко маму очень – она так плакала и в тот день, и потом.

– Я понимаю, как тебе больно. Разреши направить исцеление в ту ситуацию?

– Да, – всхлипнув, сказала я и закрыла глаза.

Поток бело-зеленоватого света заполнил всю картину, которая больше всего напоминала объемный стоп-кадр. Я смотрела, как вся ситуация погружается в этот обволакивающий туман, а на сердце постепенно становилось легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.